

Среда 2-го Юля 1914 г.

# Обозрѣніе ТЕАТРОВЪ

Ежедневная газета съ программами  
и либретто с-петербургскихъ театровъ

# Памяти Чехова.

(1904—1914).

Чеховъ умираетъ. Все мы давно уже знали, что для любимаго писателя соетены. Знали о завоеваніяхъ неувѣримаго подвѣта, который медленно, но безжалостно и непрерывно подтачивалъ жизненныя силы А. П.

... И вдругъ телеграфъ изъ Ватенвейтера приноситъ печальную вѣсть.

Не стало Антона Павловича. Онъ тихо скончался. Последніими словами его были:

— Ich sterbe! Ich sterbe!

... Вишневы садъ!

Последніе штрихи чеховскаго пера поражали и трогали красотой своей... простоты и задушевности. Тутъ велика, какъ въ пѣсни умирающей осенью природы, меланхолическая красота заткала, словно тонкой паутиной, тихія сумерки, сплотившіяся надъ запущеннымъ дворницкимъ гнѣздомъ. Въ этихъ сумеркахъ уходили изъ вишневаго сада, куда-то изъ разныхъ сторонъ тѣ, пѣсни которыхъ была уже слыта.

Я былъ въ числѣ тѣхъ немногихъ людей, которые собрались на Варшавскомъ вокзалѣ для встрѣчи тѣла Чехова. Занимаясь тогда у проф. С. А. Венгерова, и по порученію профессора, накануне прибытія тѣла пѣлный день наводилъ справки о нѣмъ вѣ часъ прибытія останковъ А. П. Прозвонилъ какаго-то незнакомаго телеграммы, посланная съ пути вдовою усопшаго писателя, не были доставлены адресатамъ за ихъ отсутствіемъ изъ «Лѣтняго Петербурга».

Правда, сейчасъ же послѣ полученія перваго извѣстія о кончинѣ А. П. торопливо и не переставая застучалъ по всякъмъ направленіямъ неугомонный телеграфъ. Редакціями были посланы запросы, но, къ сожалѣнію, не удалось выслѣпить, когда именно придутъ въ Петербургъ прахъ А. П.

Помню, въ ранній утренній часъ я отправился шпикомъ на Варшавскій вокзалъ, куда скоро здрѣхали и проф. С. А. Венгеровъ.

Кажется, на всю жизнь въ память врезалась эта грустная холодная встрѣлка.

На вокзалѣ собрались всего нѣсколько чело-вѣкъ: проф. С. А. Венгеровъ и хроникеры нѣкоторыхъ газетъ... Шелъ-воръ стужашіе лавали намъ нехотя и, выветъ съ тѣмъ, какъ-то насторожен-пясь, сиртаки, справки, въ потѣхъ сразу чувствовало, что тутъ не обманешь безъ предостереженій начальства. Видно, болѣше какихъ-то земодетралий.

— Чеховъ! Да, кажется, есть такой покойникъ... въ побатѣ два покойника... Впрочемъ, не знаемъ...—говоря намъ съ различныхъ изд-й «службахъ».

Помню, какъ этимъ впервые возмущался тогда проф. С. А. Венгеромъ, временно исполнявшій должность председателя Литературнаго Фонда.

... Вотъ, наконецъ, показавшаяся окутанная ды-момъ вахта... Разбрасывая цѣпкой фейерверкъ

искры, поѣздъ подходитъ къ пустынной платфор-мѣ. Солнце скрывается за густой дымчатой сѣт-кой туманнаго утра. Паровозъ издаетъ короткій шипящій вздохъ и, тромыхая цѣпками, придвига-етъ вплотную къ платформѣ красный товарный вагонъ съ надписью «отдѣленіе для устрицъ».

Тихо плыветъ облачко локомотивнаго дыма къ хмурому небу и таетъ, какъ тонкая струя пани-кадила.

Спускаютъ кондуктора съ какими-то бумагами. Мелькаетъ красная фуражка мальчишки станціи.

Изъ любада тихо выходитъ вдова А. П. У нея въ рукахъ маленькій букетъ темно-красныхъ розъ. Рядомъ идетъ сестра А. П.

Близкіе А. П. поражены «встрѣчей». С. А. Вен-герову приходится объяснять причину такой хо-лодной встрѣчи. «Петербургъ опустѣлъ», въ глу-хую лѣтнюю пору нѣтъ никого въ столицѣ, не составлены телеграммы, сообщавшія о днѣ при-бытія тѣла».

Вотъ отъезжала вахта. Къ пыльному вагону прирѣзались пучекъ полевыхъ цвѣтковъ... Мелькаетъ нѣсколько увядшихъ розъ.

Открытъ вагонъ. Головы всѣхъ присутствую-щихъ обнажились... Выпковъ нѣтъ ни у кого изъ присутствующихъ. Чувствуется какая-то дав-шая неловкость, растерянность.

Стѣны вагона, въ которомъ покоится тѣло А. П., покрыты дубовыми листьями. Струится смолистый запахъ хвои, разсыпаны шпальчатыя еловыя вѣтки. Пахнутъ еловыми лѣсными фиал-ками. Среди зелени виднѣются нѣсколько выпковъ съ яркими лентами отъ «русскихъ студентовъ въ Даршитадтѣ и Берлинѣ», отъ «русскаго посла», отъ «Братства».

Красный вагонъ «для устрицъ» отцѣпляется и переключается на запасную вѣтвь.

Посланы за священникомъ и пѣвчимъ. Зажжены свѣчки, зажжены свѣчки. Скорбными нотка-ми цокнуть саковъ батюшки. «Со святыми упо-кой»... Говеса шпачихъ рулетъ вверхъ и внизъ, отталкиваются отъ стѣны вагона, перекрещиваютъ-ся и перекрещиваются съ мощнымъ голосомъ дьякона.

«Въпялая память»... Кошени братская лѣтня. Еще только 10 часовъ. Другая лѣтня назначена въ два часа. Плат-форма снова становится пустынной. Усталая вло-ра уехала въ городъ.

Стало только закрыть глаза и мнѣ казалось, что я живо вижу, какъ со всѣхъ сторонъ потяну-лись длинной вереницей «хмурые люди».

... Вотъ грустная «сантекарна» маленькой де-ревенской аптеки, отсуудавшая ночью холодны-гему офицеру матныя теплени, лихомана, мечта-ющая о свѣтлой любви.

Вотъ малютанка, лущущій нивомъ въ терев-ню «милому дѣдушкѣ Макару Болестантиничу», который только одинъ остался у него... А вотъ и трогательный монахъ изъ «Свѣтлой ночи»... Тихо подходитъ «Три сестры», застѣнчивый нескладный Чебушчица, ляди Ваня, мечтатель Вершининъ, обычный студентъ Трифиновъ, этихъ свободный человетъ «въ прѣлныхъ галопкахъ», мечтательная

Аня, Елиходовъ, почитывающій «Бокля-съ». Въ они тихо, неслышно шепчуть:

— Мы къ тебѣ, милый, забывенный Антошъ Павловичъ.

Среди тихаго безмолвія, нарушаемаго лишь хриплымъ крикомъ маневрирующаго локомотива, слышится все тотъ же рѣзкій запахъ увядшихъ полевыхъ цвѣтовъ, выдѣляющихся краснымъ пятномъ на стѣнѣ «краснаго вагона».

Подходить къ вагону нѣсколько робкихъ дѣвушекъ. Старая дама.

Разспрашиваютъ и я охотно дѣлюсь имѣвшимися въ моемъ распоряженіи свѣдѣніями относительно предстоящей второй панихиды и отправления тѣла на Николаевскій вокзалъ.

Прибываютъ вѣнки въ промоздыхъ стеклянныхъ коробкахъ. По нимъ пробѣгаетъ словно торжественный шопотъ, когда къ искусственнымъ лавровымъ и вишневымъ листьямъ дотрагивается неосторожная рука.

Нервительно подходят снова робкія дѣвушки и ихъ руки протыкаются къ букетику скромныхъ железныхъ цвѣтовъ. Срываютъ цвѣты съ пониженными головками, торопливо прячутъ на память листки, эти дорогія реликвіи, прячутъ въ сѣрые томики марксовскаго изданія рассказовъ А. П., которые видѣются въ рукахъ дѣвушекъ.

Вдругъ тишину рѣзко прорѣзываетъ отчетливый тактъ военной маршировки... Подъ кокандю браваго унтера приближается взводъ гвардейцевъ и молодцовато встранивается около гатона съ тѣломъ А. П.

Оказалось, что въ томъ же поѣздѣ, съ которымъ прибылъ прахъ А. П., везли и тѣло скончавшагося во Франціи начальника генеральнаго штаба ген. Обручева.

И вотъ произошла путаница... Бравыхъ гвардейцевъ, прибывшихъ на вокзалъ для отданія воинскихъ почестей праху генер. О., ж.-д. служащіе направили къ «вагону для устрицъ».

Мнѣ стоило на малыхъ устлѣхъ, объяснить начальнику воинской команды, что въ «красномъ вагонѣ» покоится прахъ писателя Чехова и, очевидно, почетный караулъ предназначенъ не для него...

Вѣсть о прибытіи тѣла Чехова быстро разнеслась по Петербургу. Приѣхалъ А. С. Суворинъ. Онъ поклонился праху А. П., преклонивъ колѣни; потомъ съѣлъ гдѣ-то вдали, держался особнякомъ.

Прибывшій для встрѣчи тѣла ген. Обручева тогдашній министръ путей сообщенія кн. Хилковъ, около котораго все время вертѣлось начальство, сверхчеловѣкомъ жестокъ удалилъ усердно козырявшихъ ему желѣзнодорожныхъ чиновъ, и, какъ самый обыкновенный смертный, скромно, просто подошелъ къ «красному вагону», опустился на колѣни передъ гробомъ А. П. Получалась трогательная сцена.

... Отслужена вторая панихида. Батюшкой произнесено нѣсколько трогательныхъ словъ о покойномъ челоѣкѣ и писателѣ.

Вагонъ съ тѣломъ прицѣпленъ къ паровозу.

По распоряженію князя Хилкова, подають спеціальныя вагоны для сопровождающихъ.

Я сидѣлъ въ купѣ, гдѣ размѣстились родственники А. П.

Напротивъ меня сидѣла супруга Ал. П. Чехова (Съдова).

Завязалась тихая бесѣда, во время которой г-жа Чехова красивыми штрихами обрисовала обликъ А. П. и, между прочимъ, рассказала подробныя подробности о томъ, какъ А. П. придумывалъ фамиліи для своихъ героевъ.

— Я въ этой «работѣ» часто помогала «Антошѣ». Мы были друзьями, но часто спорили съ Антошей, если я находила неудачной фамилію, придуманную А. П. для героя какого-нибудь новаго разсказа и предлагала другую. «Антоша» называла меня своей сотрудницей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, считала меня слишкомъ строгимъ критикомъ. Въ общемъ, мы очень ладили съ А. П. Онъ цѣрялъ всякаго своей мягкостью и тихой лаской. Въ последнее время А. П. былъ рѣдкимъ гостемъ въ нашей семьѣ. Его смерть опеломила насъ всѣхъ. Мы не ждали такой быстрой развязки, хотя и знали, что давно уже «началъ умирать» этотъ тихій лебедь и что, быть можетъ, уже скоро должно остановиться его доброе щедрое сердце, столь прекрасное и чуткое въ своей тоскѣ о челоѣбствѣ.

Мягкою, но горькою тоскою вѣяло не только отъ его прекраснаго «Вишневаго сада», но и отъ всѣхъ послѣднихъ произведеній. Все безнадежное и безнадежное становилось тихимъ шѣптомъ. Такъ поетъ умирающій лебедь, разсѣкая въ послѣдній разъ своею грудью безгласныя воды уснуваго пруда.

«Антоша», какъ врать, давно уже зналъ, что его шѣпота опѣта, что сердце его «становится пустымъ» что жизненные соки пожираются растущимъ недугомъ. Но необычайно красиво, благородно, онъ пережилъ трагичемъ рокового сознанія, что жизненные силы оставляютъ его, что вотъ-вотъ прекратится бытіе...

Во время этой тихой бесѣды, вдругъ откуда-то появился бородачъ-кондукторъ съ требованіемъ «прѣздной платы».

Конечно, мы всѣ запротестовали. Кондуктору было заявлено, что вагоны для провожающихъ подавы по распоряженію министра.

Изъ-за спины кондуктора выросла фигура свѣдѣшаго контролера. Онъ грозилъ составленіемъ протокола...

Почувалась милая російская картинка.

Несмотря на угрозы, всѣ размѣстившіеся въ двухъ вагонахъ, категорически отказались внести «прѣздную плату».

... На Николаевскую дорогу мы прибыли лишь за нѣсколько минутъ до отхода московскаго поѣзда (все это было тонко расчитано предумотрительнымъ начальствомъ).

На вокзалѣ собралась громадная толпа. Замелькали флѣнки. По требованію публики, былъ открытъ вагонъ съ прахомъ А. П. Цѣвче проѣхали «вѣчную

память»; подь скорѣнныя звуки тронулся поѣздъ. Молодежь стройнымъ хоромъ продолжаетъ пѣть «вечную память». Грустные, за душу хватающе звуки плывутъ вслѣдъ уползающему поѣзду. Свистъ гудка идущаго поѣзда, какъ будто слышится нотка протеста и раздраженія.

Москва всегда считала Чехова «своимъ Антономъ Павлычемъ». Она и встрѣтила дорогіе останки достойно. «Первопрестольная» дала мѣсто послѣднимъ успокоеніямъ усопшему любимцу въ одномъ изъ своихъ красивѣйшихъ уголковъ—подъ развѣсистыми деревьями Новодевичьяго монастыря.

Тамъ, куда всегда стремились порывы забывающаго Антона Павловича, приняла его земля...

... «Тамъ, тамъ ты отдохнешь».

Андрей Ростовцевъ.